

Сколько раз за эту ночь я изливал в неё своё семя? Вся спальня насквозь пропиталась сладострастным, густым дурманом. Выбравшись из постели, я подошёл к столу и взял глиняный кувшин. В нём плескалась студёная, прозрачная вода. Казалось, за эти бесконечные раунды близости из моего тела испарилась вся влага до последней капли. Я жадно припал к горлышку, слушая, как живительная влага бурными глотками катится по пересохшему горлу.

Наконец переведя дух, я собрался с мыслями и оглянулся на кровать.

— Хн-н... Ах...

Эрина беспомощно ворочалась на смятых простынях. Зарывшись лицом в подушку, она тихо постанывала. Между её бессильно раздвинутых бёдер соблазнительно алела влажная мякоть. По стройным ножкам принцессы медленно стекали белые струйки — плоды моих неустанных трудов.

Кажется, на четвёртый раз Эрина окончательно потеряла власть над собой: из её уст срывались лишь истомные стоны, пока она безропотно вверяла своё податливое тело моей воле.

— Ха-а-а...

Эрина попыталась приподняться, цепляясь пальцами за подушку, но тут же без сил рухнула обратно на перину. От малейшего напряжения мышц накопившееся внутри семя вновь выплеснулось наружу, омывая её бёдра. При виде этой картины в моём паху снова сладко заныло.

Не теряя времени, я вернулся на постель и уверенно сжал её упругие ягодицы. Плотная, шелковистая плоть мягко проминалась под моими пальцами, принимая идеальную форму. Приоткрывшаяся сокровенная ложбинка словно сама манила меня. Без лишних колебаний я вновь вошёл в неё до упора.

— А-ах... Ха-а...

Тело Эрины мелко задрожало, она инстинктивно подалась бёдрами навстречу, но даже не попыталась сопротивляться. Да и осознала ли она вообще происходящее в таком полузабытии? Я приподнял её обессиленный стан и продолжил мерно двигаться в такт накачивающему желанию.

— Хнык... а-ах... ха-а... ох... да-а... м-м-м...

Эрина прерывисто вздыхала, вздрагивая всем существом при каждом толчке. Всякий раз, когда она невольно прогибалась в пояснице, её лоно судорожно сжималось вокруг моего ствола. Она была поистине непревзойдённой любовницей. Обострённый до предела за эту бурную ночь,

мой орган уже был готов извергнуть новую волну. Сделав мощный завершающий толчок, я вновь щедро наполнил Эрину изнутри.

— А-а-а-х... м-м-м... ха-а...

Зарывшись лицом в подушку, эльфийка издала угасающий стон. Её гладкая спина соблазнительно блестела от обильного пота. Я с трудом сглотнул вязкую слюну. Так дело не пойдёт. Глядя на распростёртую Эрину, я чувствовал, как желание вспыхивает с новой силой. Настоящий ненасытный суккуб во плоти!

Наскоро обтеревшись, я облачился в жреческое одеяние. Укрыв впавшую в полузабытьё Эрину тёплым одеялом, я тихо выскользнул из комнаты. Задержись я хоть на минуту дольше — и непременно сорвался бы на новый раунд. Плотские утехы прекрасны, но о собственном здоровье тоже не следовало забывать.

Я прямиком направился в купальню. Погрузившись в горячую воду ванны, я наконец в полной мере осознал, что действительно покорила высокомерную эльфийскую принцессу. Минувшая ночь стояла перед глазами словно наяву: её смущённое лицо, говорившее «нет», в то время как тело молило о ласке; её руки и ноги, судорожно обвивавшие мою шею; её тонкий профиль, замирающий от восторга при каждой вспышке оргазма... Мне пришлось долго плескать на себя прохладной водой, чтобы окончательно успокоить разгорячённую плоть.

Лишь тщательно отмывшись и смыв сладкий запах ночных утех, я наконец отправился спать.

Со следующего утра во владениях закипели масштабные восстановительные работы. Сиери и Айра с головой ушли в бухгалтерские расчёты, спешно составляя смету расходов на восстановление разрушений для отправки в королевский дворец. Я и сам едва успевал перевести дух, разбирая нескончаемый поток беженцев, хлынувших из соседних уделов.

Виной тому было опустошение: во время недавнего пробуждения Повелителя Демонов монстры стёрли с лица земли несколько окрестных баронств. Лишившись крова, а во многих случаях и своих господ, обездоленные крестьяне и горожане разбредались во все стороны в поисках спасения.

Стража и гарнизонные рыцари регулярно патрулировали пограничные тропы, отслеживая бандитов и мародёров, готовых поживиться за счёт незащищённых людей в этой неразберихе. Стопка прошений от беженцев, доставленная дозорными, росла как на дрожжах. Мне приходилось лично изучать каждый свиток, отделяя ценные кадры от бесполезного балласта.

К примеру, глубокие старики под девяносто лет уже не могли пахать землю и приносить пользу в поле, так что принимать их во владения было чистым убытком. А вот двадцатилетнего парня можно было пристроить к любой тяжёлой работе, так что таких следовало забирать не

раздумывая. Каждый трудоспособный подданный являлся ценным активом.

Вот только подобные прагматичные расчёты связывали меня по рукам и ногам из-за моего церковного сана: я носил титул Верховного жреца Юга Церкви Верховного Божества. Служителю веры, призванному нести утешение немощным, негоже было в открытую отшвыривать немощных стариков и калек. Собственно, столь колоссальный наплыв обездоленных объяснялся именно тем, что моё поместье служило оплотом Южной епархии.

Люди, которых с позором выставляли за ворота в других землях, шли сюда с непоколебимой верой в то, что милосердный Верховный жрец дарует им кров и спасение.

Но выгони я всех калек и стариков ради набора исключительно молодых работяг — и безупречный авторитет Церкви Верховного Божества рухнул бы на самое дно. Репутация выстраивается десятилетиями, а уничтожить её можно за считанные секунды.

Пожертвования и солидные выплаты на поддержание сана Верховного жреца составляли львиную долю моих доходов, и лишаться этих золотых гор мне совершенно не улыбалось. Высокие идеалы или голая практическая выгода? Оказавшись на этом перепутье, я до боли в висках ломал голову над решением.

Тук-тук-тук.

Именно в этот миг в дверь негромко постучали. Я подумал, что это Сиери.

— Войдите.

— ...Это я.

— А, принцесса.

На пороге возникла та, кого я ожидал увидеть меньше всего. Размышления о высоких материях и пользе для казны мгновенно улетучились из моей головы, уступив место мысли о том, что сегодняшней ночью не помешает повторить вчерашний успех. С моей физической силой за сотню единиц укротить эльфийку не составляло никакого труда.

Эрина смотрела на меня, заливаясь пунцовым румянцем.

— Что-то случилось?

— ...Какой же ты всё-таки бесстыдник.

— Разве принцесса вчера не наслаждалась происходящим наравне со мной?

— Д-да когда это я наслаждалась?! Не выдумывай чушь! К-как можно было обращаться со мной, словно с какой-то с-собачонкой!..

— С собачонкой?

— Заставил меня встать на четвереньки, прямо как спаривающихся зверей...

— А мне отчётливо помнится, как вы сами срывали голос, умоляя меня быть жёстче. Неужели я ослышался?

— ...Тебе точно послышалось!

— Вот как. И с чем же вы пожаловали в столь ранний час? Боюсь, зачатие наследников спозаранку — задача не из лёгких.

— Ты думаешь, я, в отличие от тебя, только и делаю, что круглые сутки помышляю о подобных непотребствах?!

— вспыхнула Эрина, повысив голос. Её ушки покраснели до самых кончиков, грозя вот-вот взорваться. У меня на столе высилась гора неотложных бумаг, поэтому я заговорил с ней предельно сухо. Если не считать постели, характер у принцессы был на редкость занудным и вздорным, так что церемониться с ней не имело смысла. Чем быстрее она уйдёт, тем лучше.

— Так по какому же делу вы пришли?

— Н-ну... я...

— Что именно?

— Я лишь хотела сказать... то, что ты видел вчера... я вовсе не такая... не распутная девица!.. И... и всё это было настолько ужасно... что я просто... кричала от возмущения!..

Похоже, Эрина всеми силами отказывалась признавать тот очевидный факт, что её тело полностью покорилося моим ласкам. Мне нестерпимо захотелось в пух и прах растоптать эту нелепую гордыню. Разгладив угол свитка, я невозмутимо поинтересовался:

— Но ведь мы продолжим начатое, верно?

Эрина нервно прикусила губу и едва заметно кивнула. Несмотря на робость губ, её изумрудные

глаза метали молнии:

— Д-да, разумеется...

— Исключительно ради дела.

— Именно... Только ради дела...

Эрину прямо распирало от скрытой досады. Ей было тошно от одной мысли о том, что ей приходится делить ложе с полуэльфом вроде меня. Но тот, кто переступил черту единожды, неизбежно перешагнёт её снова и снова.

Она уже развернулась, собираясь уйти, но вдруг с любопытством покосилась на стопки документов, за которыми я сидел:

— А над чем ты так усердно трудишься?

— В последнее время во владения хлынул поток беженцев. Я занимаюсь их распределением.

— Распределением? То есть ты сортируешь их?

— Именно так. Чем больше во владениях ртов, неспособных держать мотыгу или меч, тем тяжелее убытки для казны.

Старики и калеки, лишённые возможности трудиться, как правило, не имеют за душой ни гроша. Их личное имущество прямо пропорционально тому, сколько они способны заработать собственным трудом.

— Верховный жрец Церкви Верховного Божества сортирует страждущих беженцев... Небеса со смеху лопнут.

— Мои обязанности как владетельного лорда стоят выше сана жреца. Падут мои владения — рухнет и Южная епархия. Лагерь беженцев на границе уже трещит по швам.

— Человек, о котором я слышала прежде, не был столь бессердечным и циничным.

— Вы знали меня раньше?

В том, что Эрине было известно имя законного наследника этих земель, не было ничего удивительного. Она близко знала покойного Пета Сириуса, клирика из отряда Героя. А зная отца, неизбежно узнаешь кое-что и о сыне.

— Я была знакома с твоим батюшкой. Вполне естественно, что я знала и о тебе. По слухам, ты никогда не отличался жестокостью или развратом. Что заставило тебя так разительно измениться?

— Жестокостью и развратом, говорите.

Я сухо усмехнулся. Возразить мне было нечего: её слова били точно в цель.

Эрина смотрела на меня с неподдельным, искренним любопытством. Я и сам невольно призадумался над её вопросом. Ведь она была права: я и впрямь стал на диво скор на расправу. Но был ли я таким в своей прошлой, земной жизни? Да вовсе нет, я вёл вполне добропорядочное, заурядное существование.

У меня была любимая младшая сестрёнка; я честно вкалывал на полставки в круглосуточном магазине и ни свет ни заря развозил утренние газеты. Порой за кружкой пива с приятелями жаловался на тяжесть бытия, но окружающие всегда отзывались обо мне как об отзывчивом и добром парне.

Дойдя в воспоминаниях до этой черты, я и сам усомнился в собственной натуре.

С чего вдруг я стал таким кровожадным и жестоким?

— А разве человеку нужен особый повод, чтобы измениться? Люди порой черствеют из-за сущих пустяков. Разве у вас никогда не портилось настроение на весь день лишь оттого, что утренний кофе оказался отвратительным на вкус?

— Стала бы я спрашивать, если бы твою перемену можно было списать на скверный кофе?

— Требовать от других понимания того, в чём я сам не могу до конца разобраться — это уже непомерная жадность, принцесса.

— Забудь. Ты поистине странный человек.

Эрина покачала головой и тихо шагнула за порог. Дверь закрылась, позволив мне вновь с головой уйти в государственные дела. Я закончил составлять списки тех, кого пропустят в пределы владений, подмешав ради приличия несколько стариков, чтобы фаворитизм не слишком бросался в глаза.

Затем составил и отправил официальную депешу в совет Церкви Верховного Божества с просьбой войти в положение: мол, внутренние ресурсы земель истощены, и принять всех страждущих мы чисто физически не в силах. В суматохе неотложных хлопот праздные мысли о том, почему я стал столь жестоким, быстро выветрились из моей головы.

<http://erolate.org/book/1446/183915>